

ВЛАДИМИР Самойлов неохотно согласился на интервью. Откровенно говоря, из тактических соображений я решила на провокационный вопрос:

— Кино для вас — часть творческой жизни или, так сказать, «отхожий промысел»?

Владимир Яковлевич, присвистнув про себя (или мне показалось?), засмеялся:

— Не надо обижать кинематограф, связывая его с этим понятием. Отхожий промысел — слишком резко сказано... Просто мне пока не очень удается найти себя в кино, хотя я пытаюсь.

Итак, известный театральный актер Владимир Самойлов, снявшийся в четырнадцати фильмах, все еще не может сказать, что кинематограф стал для него необходимостью, условием его существования как художника. Так я вас поняла?

— В общем-то правильно. Но в этом никто не виноват. В кинематографе слишком многое зависит от случайности...

— Например?

— Допустим, эпизод должен сниматься при солнечной погоде. Погоды нет. Группа в простое. Режиссер в конце концов вынужден снимать тот же эпизод в пасмурный день. В результате сцена обретает иную тональность, что в свою очередь сказывается на замысле в целом.

— А может быть, понятие «искусство кино» включает в себя умение обходить или побеждать случайности кинопроизводства?

— Видно, в идеале так и должно быть. Но я сужу по собственному опыту. Моя киносъемка, по крайней мере до сих пор, чаще всего складывалась из случайностей. Иногда довольно забавных.

Мой дебют в кино состоялся в самом разгар «малюкартинья», в фильме «Голубые дороги». Я был тогда еще студентом Одесского театрального училища. Помню, с каким трепетом шел я на сеанс, когда картина вышла. Можете

себе представить, что я испытал, не увидев в ней ни одного кадра с моим участием. Все вырезали начисто. Сейчас мы с вами смеемся, а мне тогда было не до смеха.

Потом Самойлова пригласили на «Ленфильм» пробоваться на главную роль в «Неоконченной повести». Фотопробы прошли отлично, но перед камерой он так разволновался, что правая часть лица начала дергаться. Самойлову вежливо вручили билет на самолет, и он, казалось, навсегда расстался с кинематографом. И вновь случайность привела его на съемочную площадку. Режиссер Г. Казанский, работавший ассистентом Ф. Эрмлера в «Неоконченной повести», запомнил Самойлова и пригласил его в свой первый самостоятельный фильм «И снова утро».

— Отлично помню, как впервые увидел на экране себя в кинопробах. Это было настолько ужасно, что даже стало весело. Слово груз упало с плеч. Ну, думаю, все. Кончился мой роман с кинематографом.

И вдруг — телеграмма: вы утверждены на роль, первый съемочный день такой-то. С тех пор я стал постоянно сниматься в кино. Сыграно немало ролей, но до сих пор видеть себя на экране для меня часто бывает очень мучительно.

...Его судьбу определял театр.

Семь лет Самойлов проработал в Кермове. В Горький переехал уже сложившимся актером, мастером. Играл много. Очень много, по столичным меркам. Репертуар складывался во многом стихийно, зато был разнообразен, что при хорошей режиссуре становилось отличной школой. Шесть лет назад, когда Самойлов вместе с режиссером Ефимом Табачниковым одолел такую вершину, как шекспировский «Ричард III», крыло славы коснулось актера из Горького. Знатки, ценители театра говорили: стоит поехать в Горький, чтобы увидеть Самойлова — Ричарда. Уже тогда Владимир Яковлевич получил предложение работать на московской сцене.

А в кино он так и не «слезал» с одного

Владимир САМОЙЛОВ

БЕГСТВО ИЗ АМПЛУА

и того же амплуа. За «Секретарем обкома» последовал фильм «На заграничной улице», где была повторена та же схема. Ее несколько улучшенным вариантом стала роль следователя в картине «Верьте мне, люди». Особняком стояли «26 бакинских комиссаров» — в роли Степана Шаумяна была сделана попытка прорваться к характеру, попытка плодотворная, но ограниченная сценарным материалом.

Одним словом, до недавнего времени по ролям, сыгранным в кино, нельзя

было составить верное представление о творческом диапазоне Самойлова, о его актерском масштабе. Да, безусловно профессионален, достоверен, обаятелен настолько, что в силах преодолеть драматургическую бедность образа. И только. Когда режиссер Владимир Чеботарев пригласил Самойлова на роль Савинкова в «Крахе», это уже не было случайностью. Скорее это было закономерностью. Начиная с «Секретаря обкома», актер выступал во всех фильмах В. Чеботарева.

— Для меня очень важно длительное творческое содружество. Почти всегда, рано или поздно, оно дает интересные результаты. Возможно, так получилось и в «Крахе». Чеботарев предложил мне роль Шешени. Мне же хотелось сыграть Павловского — это, на мой взгляд, самая яркая роль в сценарии. А сыграл я Савинкова.

В своем четырнадцатом фильме Самойлов получил роль, которая пришла ему по росту.

— Но и здесь многое осталось за кадром. Иной раз те сцены, где «выкладываешься», при монтаже оказываются лишними. Так было и в «Крахе». В фильм не вошли куски, на мой взгляд, очень важные для понимания натуры Савинкова. Мне хотелось не только сыграть роль, «создать образ», но и выразить психический склад Савинкова: показать его снобистскую спесь, его тщеславие, словом, те человеческие качества, которые поставили его «по ту сторону», оторвали от родины, сделали врагом и привели к краху — не только политическому, но и моральному. Мне это не удалось в полной мере.

— Вы полагаете, в театре вы могли бы сделать больше на том же драматургическом материале?

— Пожалуй. В театре есть одно бесценное преимущество — репетиции. Репетиция рождает самочувствие, создает атмосферу... Она дает возможность выбрать один путь из множества. Найти именно ту дорогу, где тебя ожидает удача.

— А вас не привлекает в кино момент импровизации?

— Это и есть то, что меня больше всего пленяет в работе на съемочной площадке. Как бы вам это пояснить... Вернуться к первому ощущению образа через процесс работы — вот театр. Перед кинокамерой я должен сразу сыграть результат, минуя стадию «оживания» в образ. Иногда эта задача увлекает.

— Вы говорите, что в театре играли самые разноплановые роли — характерные, героические и комедийные. Какие же любимые?

— Мне больше всего по душе те роли, содержание которых волнует зрителя сегодня. Пусть вас не удивляет, что «Секретарь обкома» — самая дорогая для меня картина. Я понимаю, мы не достигли в ней должного художественного уровня. Но этот фильм, эта роль дали мне возможность выразить свою гражданскую позицию. Наверное, поэтому одна из любимых моих сценических работ — Оскар в инсценировке романа Лансиса «Сын рыбака». Едва ли не первая моя большая роль. Давно это было, а ощущение образа, всей стихии спектакля живо во мне до сих пор.

— Мне остается пожелать вам таких ролей в кино и на сцене. Вы переменили амплуа — это уже победа.

— Как бы не застрять в новом...

— Есть опасность?

— Сейчас я снимаюсь уже в отрицательной роли и получил предложение, опять же «отрицательное»...

— А чем вы сейчас заняты главным образом?

— Привыкаю к Москве... Это оказалось сложнее, чем я думал.

Владимир Яковлевич Самойлов недавно дебютировал на московской сцене. В Театре имени Вл. Маяковского он играет в «Талантах и поклонниках» роль Великатова.

Интервью вела Елена СТИШОВА.